
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

О.Н. Стрельник

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье выясняются место и роль политического мифа в современной политической реальности, проясняются некоторые механизмы современного политического и социокультурного мифотворчества. Проанализированы взаимоотношения политической идеологии, политического мифа и архаической мифологии, реконструируются основные черты современного политического мифа. В статье рассматривается вопрос об архетипе героя как основе публичных имиджей современных политических лидеров.

Ключевые слова: мифология, миф, коннотация, идеология, политика, имидж, рациональность, иррациональное.

Знаки и символы управляют миром, а не слово и закон.

Конфуций

Политика — это рациональная форма использования
иррациональной сущности масс.

С. Московичи

Миф маскируется под логос, под этой маской и в XXI в. оставаясь одной из ключевых форм культуры. Мифологические компоненты можно обнаружить в религии, в искусстве, особенно ориентированном на массового потребителя, в политике, и даже в науке (паранаучные и квазинаучные формы). Мифологическая «логика» работает и в сфере мышления, и сфере практического действия, причем независимо от того, осознается это субъектами действия или нет.

Современное мифологическое мышление выходит за пределы архаики. В культуре появились новые феномены, которые, с одной стороны, воспроизводят сущностные характеристики архаического мифа, а, с другой стороны, ассимилируют последние достижения философии, науки, религии и искусства. Такие особенности современной мифологии провоцируют на то, чтобы полностью отождествить массовое сознание с мифом, что, по-видимому, неверно. Все эти обстоятельства требуют анализа мифологического мышления, который соответствовал бы его нынешнему состоянию, и вероятно, его новой трактовке.

Мифологизация современной политики. Политика — это рациональная форма использования иррациональной сущности масс, любые методы пропаганды и внушения основываются на этом, утверждает французский социолог С. Московичи [7].

К середине XX в. политика стала тотально мифологичной, миф превратился в стержень власти и в демократических, и в авторитарных государствах, мифическое сознательно используется политиками для манипуляций общественным сознанием.

Способность мифа выражать символическую причастность индивида к коллективу эксплуатируется уже осознано. Политики с успехом «продают» желаемое будущее, не заботясь, что это будущее утопично. В ситуации неустойчивости и кризиса люди охотно меняют свободу на безопасность и спокойствие фиксированного мифологического мира и однозначной идентичности. В условиях неопределенности и неясности будущего, при отсутствии общих целей и внятной рациональной политической программы, при давлении взаимоисключающих требований политический миф действует как защитный механизм, консолидирующий социум.

Символичность и статичность мифа гарантируют, с одной стороны, ясность и покой, отдых от информационного перенапряжения, а с другой — возвращают миру его глубину. Актуализация мифа означает, что иррациональные мотивы поведения людей (особенно массового поведения) преобладают над рациональными и подавляют их.

На наш взгляд, почти тотальное господство мифа в политике свидетельствует о социальном кризисе и является симптомом социального отчаяния, неспособности социума сформулировать рациональную консолидирующую идею и оправдать самое себя.

Миф о мессианстве актуализировался в современной России, что можно считать следствием слома политических и, шире, мировоззренческих парадигм. Почти бесследно исчез марксизм, не смог прижиться либерализм, центристская идеология так и не сформировалась, ни одна из религий не может претендовать окончательно на статус общенациональной. Неспособность российского массового сознания создать адекватный общенациональный мировоззренческий проект и революционность идеологий, как коммунистических, так и либеральных, которые тестировались на российской почве последнее столетие, вынуждает общественное сознание, во-первых, отвергать прошлое, а во-вторых, строить утопические проекты будущего, попытка реализации которых не оставляет возможности вести нормальную жизнь в настоящем.

Иными словами, в силу недостатка рациональных политических идей и смыслов появляется необходимость поиска иных оснований консолидации — нерациональных. Здесь на сцену выходит политический миф.

В российской истории выбор той или иной идеологии и стоящего за ней политического мифа был выбором власти. Это происходит и в современной России. Недоверие, отчуждение и страх перед властью, с одной стороны, а с другой стороны, ожидание доброго царя, который всех рассудит, все решит — таковы особенности российского менталитета. В этой ситуации ответственность власти становится тем более высокой. Последствия выбора консолидирующей идеи могут оказаться драматическими.

Для консолидации общества, кстати, может использоваться любая символическая система, независимо от того, насколько она гуманна, демократична или прогрессивна. Сама по себе символическая система, лежащая в основе политического мифа, ни «хороша» и ни «плоха», это реакция на динамику и противоречия жизни, однако последствия воздействия той или иной символической сис-

темы и соответствующего политического мифа трудно предсказать. Платой за объединение социума становятся в том числе войны и человеческие жертвы. Так, национал-социалистический миф о 1000-летнем рейхе и господстве расы арийцев в итоге привел к опустошению Европы и стоил десятков миллионов человеческих жизней. Миф о дьявольской сущности города спровоцировал истребление миллионов людей в Камбодже.

Отношения политической идеологии, которая наряду с политической деятельностью и политическими институтами составляет сферу политики, и политического мифа весьма сложны. Тотальное отождествление этих форм культуры, как это делает, в частности, Р. Барт [1], на наш взгляд, неверно. Мифология (в данном случае мы понимаем под мифологией совокупность мифов, а не учение о мифе) — это система непосредственно неосознаваемых образов и символов, апеллирующих, прежде всего, к эмоциям и чувствам людей.

Идеология, в отличие от мифологии — это осознаваемая и сознательно используемая система идей и ценностей, выражающих интересы отдельных классов и групп, т.е. прежде всего рациональная конструкция. Однако генетически идеология формируется на основе мифологии и несет на себе определенные характеристики мифа. Связующим звеном между рациональной идеологической системой и архаической мифологией выступает политический миф. Наиболее действенны именно те идеологии, которые эксплуатируют иррациональные механизмы, глубинные символы и схемы коллективного бессознательного.

Идеологемы заимствуются из разных исторических эпох и культур, но если сюжет имеет глубинную архетипическую основу, он окажется действенным и в современности. Иными словами, идеология — это все же «ложное сознание», выражающее интересы определенного класса или группы, позволяющее создать необходимые массовые иллюзии и легитимировать власть. Современные политические идеологии представляют собой один из результатов социокультурного мифотворчества, а следовательно, их можно изучать по методологии, сходной с методологией исследования мифов.

Мифологические основы идеологии. Разрушить идеологию как рациональную конструкцию достаточно легко, однако ее мифологические корни продолжают существовать многие сотни лет. Мифологический базис более фундаментален, чем идеологическая надстройка.

Между архаической мифологией и современной политической идеологией существует явно читаемое родство. В качестве иллюстрации — пример, указывающий на родство коммунистической идеологии с христианством и более ранними мифологическими системами.

Содержание той или иной идеологической доктрины строится на сюжетах, заимствованных из древней мифологии, политика усматривает и подхватывает те модели, образы и символы, которые отвечают современным потребностям. Аргументом в пользу этого тезиса является длительное существование мифов «внутри» новых и, казалось бы, чуждых ему идеологических доктрин. Так, языческий миф продолжает существовать в христианской культуре, приспосабливается

и даже срastaется с ней. Древний миф «о золотом веке» лежит в основе коммунистической идеологии, которая, провозглашая тотальную рационализацию всех сфер человеческой жизни, в своей основе остается иррациональной. Один из авторов коммунистической идеологии Ф. Энгельс проводил прямые параллели между марксизмом и христианством. В работе «Книга откровения» он пишет, что христианство, так же как и социализм, проникло в массы и овладело их сознанием в виде различных сект, в христианстве, как и в социализме, есть свои пророки, которые ведут борьбу с враждебным миром, христианство, так же как и социализм, провозглашает идею грядущего избавления угнетенных [9]. Добавим, что исторически и логически точнее утверждать, что именно социализм эксплуатирует старый христианский миф, и параллели здесь не только на поверхности.

Прочтение ключевого идеологического текста коммунистов «Манифест коммунистической партии» и вовсе отменяет сомнения в мифологических основах коммунистической идеологии. И по форме (бесспорные, несомненные для человека того времени образы), и по содержанию (генезис и столкновение противоборствующих сил добра и зла) этот текст мифологичен, смыслы в нем передаются не только и не столько с помощью рациональных понятий, сколько через насыщенные эмоциями символы. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака... Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“... Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им веками, освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими, прежде чем успевают окостенеть... Современное буржуазное общество с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями... Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, пролетариев» [6].

Последняя фраза позволяет заключить, что в основании коммунистической идеологии лежит еще и мифологема о мессианстве пролетариата, вокруг которой строится идеологическое обоснование необходимости революции и роли в ней пролетариата. Пролетариат становится мессией, спасителем, и этим обусловлена его роль в истории.

Идеология связана с мифологией не только содержательно. Привлекательность той или иной идеи напрямую зависит от того, насколько мифологична форма, в которой идея преподносится. Идеологическая доктрина, чтобы быть воспринятой, должна принять образную форму, что облегчает восприятие ее массовым сознанием.

Механизм идеологического воздействия аналогичен механизму воздействия мифа. Конечная цель любой идеологии — подталкивать к определенным действиям, а не просвещать, объяснять или познавать. «Реальность», создаваемая мифом, очень схожа с «реальностью» политической. Например, в архаической мифологии универсальна схема, в которой герой попадает в кризисную ситуацию, грозящую организованному космосу деструкцией и превращением в хаос. Перед героем стоит задача спасти порядок от разрушения и небытия. Решение этой задачи миф описывает как поединок добра и зла. Такая мифологическая схема является привычным сценарием для политики. «Добро» — «мы», группа, с которой личность может себя идентифицировать, «зло» — «они» — враги, с ними необходимо бороться. На роль «врагов» современные политические технологии позволяют найти самых разных претендентов.

В архаической мифологии универсальной является схема, в которой герой попадает в кризисную ситуацию, грозящую организованному космосу разрушением и обращением в хаос. Перед героем стоит задача спасти привычный порядок от разрушения и небытия. Решение этой задачи описывается в мифах как поединок противоборствующих сил добра и зла.

Эта мифологическая схема является привычным сценарием для политических игр, к которым на протяжении столетий привыкала западная цивилизация. Миф о герое, побеждающем хаос, на наш взгляд, является наиболее эксплуатируемым в современной политике и определяет видимую канву действий политических лидеров современности.

Герой появляется в кризисной ситуации для разрешения неразрешимых противоречий, у него нет реального прошлого, его предшествующая жизнь покрыта мраком, а место личной истории занимает ее мифологический вариант.

В русской мифологии нет такого персонажа, который установил бы свое безусловное право быть национальным героем. Как утверждает исследователь М. Кольев, тоска по национальному сверхчеловеку на века стала лейтмотивом подсознательной жизни народа, выразившись и в княжеских междоусобицах XI—XIII вв., и в обожествлении великого князя в XV—XVII вв., а позднее в таких формах, как пассивное ожидание мессианского «добротого царя» [4].

Одна из ассоциаций массового сознания — отождествление образа героя с образом царя, который должен олицетворять единство нации, но зачастую противостоит ей (варяги у власти), порождает конфликты в массовом политическом сознании и проблемы самоидентификации российской власти. В конце XX — в начале XXI в. в России также реализуется традиционно-харизматическая, а не рациональная модель легитимизации власти.

Технологически создание политического имиджа — это создание массового стереотипа, основное требование к которому — быть легко воспринимаемым. Легкость восприятия достигается соответствием имиджа, во-первых, сиюминутным ожиданиям публики, во-вторых, бессознательным архетипам, глубинным мифологическим символам. Содержательно имидж создается в зависимости от конкретной социально-политической ситуации, собственных целей и массовых ожи-

даний. При построении имиджа учитываются традиционно сложившиеся в культуре, укорененные в языке и в ментальности представления о национальном герое, на основе которых складываются представления о герое политическом.

Примерка политиком образа героя — отнюдь не изобретение современности. В XV в. Н. Макиавелли указывал на важность правильного имиджа для государя [5]. Из истории известно, что многие политики и военачальники (А. Македонский, Наполеон Бонапарт, Д. Вашингтон и др.) заботились о создании благоприятного имиджа в глазах современников и, что важнее, в глазах потомков. Величайшие тираны XX в. — Сталин и Гитлер — были одновременно и политическими мифотворцами. Существуют документальные свидетельства, что Гитлер специально продумывал миф о себе. Он путешествовал в Париж с единственной целью — изучить памятник Наполеону. Памятник ему не понравился, т.к. стоял в углублении, а публика смотрела на него сверху вниз. Гитлер заявил, что никогда не совершит подобной ошибки, публика должна всегда взирать на фюрера снизу вверх.

Фюрер стал символом нации, знаком определенной системы ценностей, не имеющей ничего общего ни с личностными чертами конкретного человека, ни с деталями его биографии. Политический миф о Гитлере, создаваемый его соратником Геббельсом, не ограничивался одним лишь героическими красками, Гитлер предстал то художником, то архитектором, то рабочим, то солдатом.

По той же модели строился имидж — миф Сталина: Сталин — друг детей, отец народов, великий теоретик — языковед, великий философ и т.п. «Сталину удалось воплотить для коммунистов всего мира то, что Мишле называл „согласием народа в одном человеке“» [7. С. 30]. «Долгие годы Сталин как словесный объект представлял в чистом виде все основные черты мифического слова. В нем был и смысл, т.е. реальный, исторический Сталин; и означающее, т.е. ритуальное прославление Сталина, фатальная природность тех эпитетов, которыми окружало его имя; и означаемое, т.е. интенция к ортодоксии, дисциплине и единству, адресно направленная коммунистическими партиями на определенную ситуацию; и, наконец, значение, т.е. Сталин сакрализованый, чьи исторические определяющие черты переосмыслены в природном духе, сублимированы под именем Гениальности, чего-то иррационально-невывразимого» [1. С. 274].

Параллели между древней мифологией и современными идеологиями указывают, что разрушить «мир» до основания, а затем построить «новый мир» никогда не удастся. В основе новой идеологии лежат образы, символы и схемы старой мифологии. Во всех обществах, даже развитых, в сфере власти прошлое довлеет над настоящим, а архаические традиции сплетаются с живой современностью. Политические мифологии — атрибут политической системы и демократического, и авторитарного, и тоталитарного государства, поскольку любая власть нуждается в символах, ее олицетворяющих. Однако «производство» мифов организовано по-разному. В демократическом обществе мифы создаются в условиях переизбытка информации и плюрализма мнений, в авторитарном и тоталитарном условием создания мифа является искусственное ограничение информационного поля.

Фабрикация политического мифа. Между современными политическими и архаическими мифами при всем сходстве канвы и сюжетов есть различия.

Современный миф формируется на базе архаической мифологии, заимствуя ее схемы и понятия, но по способу возникновения, характеру функционирования и по той роли, которую он играет в культуре, он отличается от архаического. Современный миф вторичен в том смысле, что он образуется как деформация определенных культурных смыслов, а не является «первомыслями человечества», как говорит Э. Кассирер о мифе древнем [3]. Кроме того, современный миф искусственен, он конструируется по большей части сознательно, а не возникает спонтанно, как результат первичного осмысления мира.

Механизмы фабрикации современных мифов анализирует Р. Барт в работе «Мифологии» [1]. Прояснение механизмов современного мифотворчества одновременно проясняет соотношение современного и архаического мифа и показывает различия между ними.

Современный миф, так же как и архаический, порождается образным типом сознания, однако в отличие от первобытной мифологии он не оформляется в виде связанного повествования. Он дискретен, представляет собой набор стереотипов массового сознания. Если архаический миф — это разработка фундаментальных оппозиций культуры и модель для разрешения противоречий, то современный миф служит не изживанию противоречия, а его оправданию и маскировке. Современный миф ничего не объясняет, однако его констатирующие формулировки создают иллюзию ясности. Но эта ясность обманчива, современный миф не идет дальше непосредственной видимости.

Решая задачу методического определения и демистификации современного мифа, Р. Барт рассматривает механизм его конструирования на базе естественного языка. Предложенная им схема адекватна для объяснения возможных способов конструирования мифа, особенно политического, в современной культуре.

Если следовать идеям Р. Барта, то смысл мифотворчества заключается в превращении знаков в пустые формы, содержание которых выхолащивается путем деформации первоначальных, рациональных смыслов и неявным образом подменяется иными, эмоционально-насыщенными, суггестивными смыслами.

Миф — это слово, утверждает Р. Барт, главное в мифологическом сообщении — его форма, а не содержание. Миф — особый язык, основной для которого выступает естественный язык. Такие свойства естественного языка, как выразительность, образность, неточность или многозначность, располагают к тому, чтобы он превратился в миф. Носителем мифического сообщения могут стать не только слова естественного языка, но и другие знаковые системы: фотография, кино, реклама и т.п., причем даже в большей степени, чем знаки естественного языка, поскольку они еще более образны и еще менее точны.

Р. Барт в унисон с представителем другой философской традиции К.Г. Юнгом утверждает: слово и изображение символичны, они имеют более широкий бессознательный контекст, который никогда точно не определен и объяснить его невозможно.

Р. Барт постулирует наличие в любой знаковой системе трех элементов: имеется означающее, означаемое и знак, то есть итог ассоциации двух первых членов. Означающее представляет собой пустую форму, знак же содержателен, он несет определенный смысл, означаемое — предмет, явление и т.п., которое призван заместить знак. Миф образуется как вторичная знаковая система, так же имеющая в трехчленное строение. То, что в исходной системе представляло собой насыщенный смыслами знак, в мифе становится означающим, т.е. пустой, выхолощенной формой.

Означаемое в мифе Р. Барт называет понятием, однако это не логическое понятие. «В понятие влагается не столько сама реальность, сколько известное представление о ней... В мифическом понятии заключается лишь смутное знание, образуемое из неопределенно-рыхлых ассоциаций. Такой открытый характер понятия следует подчеркнуть — оно представляет собой отнюдь не абстрактную чистую сущность, но бесформенный, туманно-зыбкий сгусток, единый и связанный лишь в силу своей функции». И далее, «понятие дается нам глобально, как некая туманность, в которой более или менее зыбко сгущено знание» [1. С. 244, 247].

Таким образом, можно говорить, что означаемым в мифе или мифическим понятием в терминологии Р. Барта выступают некоторые неясные представления и идеи, несущие сильный эмоциональный заряд.

Итогом ассоциации означаемого и означающего в мифе выступает новый знак, который Р. Барт, на наш взгляд, неудачно называет значением. Скорее, здесь следует говорить о символе. Форма мифа, т.е. означающее, еще не представляет собой символа, однако это несомненный, бесспорный образ, который в ассоциации с эмоционально насыщенными, значимыми переживаниями образует символ.

В силу механизма своего возникновения символ, в отличие от знака, не имеет четко обозначенной области своих значений (означаемых, в терминологии Р. Барта), поэтому уместно говорить о символе как о знаке с бесконечным числом значений. При превращении знака исходной знаковой системы в означающее в мифе «из него удаляется все случайное; он опустошается, обедняется... остается лишь голая буквальность» [1. С. 242].

Однако это богатство смыслов не уничтожается полностью. Миф, как пишет Р. Барт, держит смысл в своей власти: «Для формы смысл — это как бы подручный запас истории, он богат и покорен, его можно то приближать, то удалять... форма постоянно нуждается... в нем как в укрытии» [1. С. 243].

Отношение мифического означаемого к означающему — это отношение деформации и отчуждения. В современном мифе воспроизводится ограниченное число одних и тех же схем, которые могут заимствоваться из древних мифологий, однако их архаичность маскируется с помощью означающих, т.е. формы.

Форма для мифического понятия не является случайной и произвольной, она подбирается как раз с целью актуализации архаического содержания для современности. Повторяемость фундаментальных мифологических схем, с одной стороны, и произвольность мифологической образности, с другой стороны, оставляет возможность расшифровки и разоблачения мифа.

Расшифровка политического мифа. Поскольку современный миф конструируется искусственно, постольку он может быть расшифрован, причем быстрее и эффективнее, чем миф архаический. Р. Барт предлагает три способа «чтения» мифа.

Первый способ можно назвать наивным, так относится к мифу его потребитель. Наивный читатель мифа непосредственно переживает миф и, не видя подвоха, поддается скрытой интенции. «...читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и нереальную» [1. С. 254], он прочитывает его не как ценностную, а как фактическую систему. Для него означаемое и означающее связаны между собой как причина и следствие. Но в мифе нет причинно-следственных связей, а есть лишь аналогии и эквивалентности. В мифе природа удваивается, т.е. к предметам и явлениям как они существуют сами по себе, добавляется дополнительная семантика. Миф несет в себе совокупность неявных с первого взгляда культурных шифров, которые считываются потребителем мифа. Именно он — наивный потребитель мифа, чувствующий себя комфортно в лабиринте сконструированных, иллюзорных смыслов, и является главным носителем мифа. Завораживающая полнота мифа — вот причина привлекательности мифа, причина, по которой свобода без сожаления и сомнений обменивается на миф. Но полнота, ясность и завершенность мифа иллюзорны, он лишь констатирует, но ничего не объясняет.

Второй способ отношения к мифу — его конструирование. Это позиция мифотворца. Именно он подыскивает для мифологического означаемого подходящее означающее. Чем талантливее мифотворец, тем более яркой и суггестивной оказывается подобранная форма.

Третий — рациональный, с точки зрения Р. Барта, способ отношения к мифу, восприятие его как деформации. Так относится к мифу ученый или философ, различающий содержание и форму мифа, означаемое и означающее, и таким образом обнаруживающий подмену смыслов естественного языка. Именно этот способ демонстрирует в своей книге «Мифологии» сам Р. Барт: «...если я вглядываюсь в означающее мифа как в нечто полное, четко отграничивая в нем смысл от формы, а стало быть, и вижу деформацию первого под действием второй, то тем самым я расчленяю значение мифа и воспринимаю его как обман...» [1. С. 254].

Но, утверждает Р. Барт, ни один современный человек не бывает свободным от мифа постоянно и окончательно, каждый поддается очарованию и внушению современных мифов хотя бы время от времени.

Парадоксальным образом Р. Барт сближает критику мифов и мифотворчество, лучшее оружие против мифа — его мифологизация. «Если миф — похититель языка, то почему бы не похитить сам миф? Для этого нужно лишь сделать его исходным пунктом третичной семиологической цепи, превратить его значение в первый элемент вторичного мифа. Сила вторичного мифа в том, что первичный миф рассматривается в нем как наблюдаемое извне наивное сознание» [1. С. 262].

В концепции Р. Барта миф одновременно несет в себе черты искусства, идеологии, религии, науки и других культурных форм. Он эстетически полон как объ-

ект искусства, интеллектуально ясен как политическая идеологема и эмоционально несомненен как религиозное переживание. Миф у Р. Барта тотален и неизбежен, а вся современная культура мифологична. Однако, превращая миф в тотальность, отождествляя его со всей массовой культурой, Р. Барт тем самым растворяет существо мифа в других культурных формах, и в результате утрачивает предмет своего теоретизирования. Современный миф трактуется Р. Бартом слишком широко, совпадая с любыми смысловыми деформациями естественного языка. Но вряд ли правомерно называть мифом любую игру смыслов, любое оперирование неясными и эмоционально насыщенными образами [8].

Итак, в современной культуре миф перестал быть лишь спонтанной бессознательной активностью, свободной игрой воображения. Современный миф — это, с одной стороны, обузданный миф, который создается по прихоти мифотворца, а с другой стороны, это миф, возведенный на пьедестал. Сконструированный и вторичный, современный миф тем не менее почти всемогущ. Под его властью оказываются не только ничего не подозревающие граждане у своих телевизоров, но и сами мифотворцы. Искусственно созданные образы начинают жить собственной жизнью, кажется, что человечество стремится переселиться в эту сконструированную им же самим реальность, используя компьютеры, телевидение, создавая образы и веря в их реальность. Персонаж сериала становится членом семьи, телевизор выполняет функцию очага, центра дома. В реальность выдуманных героев, в том числе и политических, начинает верить не только широкая публика, но и сами создатели этих образов, профессиональные творцы мифов.

Наше время — эпоха сознательного творения кумиров, они создаются для того, чтобы кодировать и программировать общественное сознание. Значительную часть его составляют стандартно-коллективные формы мышления. Поэтому существенное место стало занимать само «производство» таких кумиров, специальный труд по созданию образцов и шаблонов.

Сознательное мифотворчество тем более успешно, чем полнее учитывает особенности спонтанного мифотворчества, чем точнее рукотворные образы отражают символы, укоренные в коллективном бессознательном, в мифологии и культуре.

Определяя особенности массовой коммуникации, К.Г. Юнг пишет, что эмоция имеет суггестивный характер, находясь в толпе, человек поддается общим эмоциям [10]. Толпа хочет быть обманутой, говорили еще древние философы, а следовательно, всегда найдутся люди, которые будут обманывать. В завершении стоит вспомнить идею Э. Кассирера о том, что современный миф — химера, рожденная скрещиванием традиционных элементов мифа с феноменом техники и государственной власти [2]. Единственный способ побороть это чудовище — увидеть его глазами, незамутненными страхом и пропагандой, узнать его повадки. Вопрос в том, возможен ли у современного человека такой взгляд? А пока идут поиски ответа на этот вопрос, хвост по-прежнему виляет собакой (1).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Имеется в виду известный фильм Барри Левинсона «Хвост виляет собакой», в котором разоблачается манипулятивная природа современного политического пр и роль в этом СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барт Р. Мифологии. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2000.
- [2] Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990. № 2.
- [3] Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
- [4] Кольев М. Миф масс и магия вождей. М.: Национальный институт развития, 2000.
- [5] Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2011.
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии. М.: ИТРК, 2007.
- [7] Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011.
- [8] Стрельник О.Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2006. № 2. С. 63—72.
- [9] Энгельс Ф. Книга откровения / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. Т. 21. М., 1961. С. 8—10.
- [10] Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп, 1998.

MYTHOLOGICAL ROOTS OF POLITICAL IDEOLOGY

O.N. Strelnik

Ontology and theory of cognition
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In the article are found out a place and a role of a political myth in a modern political reality. The author analyzes mutual relations of political ideology, a political myth and archaic mythology, reconstructs the basic lines of a modern political myth. In the conclusion the question of an archetype of the hero as a basis for construction modern political leaders public images is considered.

Key words: mythology, a myth, a connotation, ideology, image, rationality, irrational.

REFERENCE

- [1] Bart R. Mifologii. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyykh, 2000.
- [2] Kassirer E. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 1990. N 2.
- [3] Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. V 3 t. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002.
- [4] Kol'ev M. Mif mass i magiya vohzhey. M.: Natsional'nyy institut razvitiya, 2000.
- [5] Makiavelli N. Gosudar'. M.: AST, 2011.
- [6] Marks K., Engel's F. Printsipy kommunizma. Manifest Kommunisticheskoy partii. M.: ITRK, 2007.

- [7] Moskovichi S. Vek tolp. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass. M.: Akademicheskiy proekt, 2011.
- [8] Strel'nik O.N. Deformatsiya yazyka i mifologizatsiya soznaniya v kul'ture postmoderna // Vestnik RUDN. Ser. «Filosofiya». 2006. № 2. S. 63—72.
- [9] Engel's F. Kniga otkroveniya / Marks K., Engel's F. Sochineniya v 50 t. T. 21. M., 1961, s. 8—10.
- [10] Yung K.G. Bog i bessoznatel'noe. M.: Olimp, 1998.